

УДК 821.511:142

DOI: 10.30624/2220-4156-2018-8-2-309-316

Сравнения с ихтиологическим компонентом как средство создания образа в прозе Р. П. Ругина

В. Л. Сязи

*БУ ХМАО – Югры «Обско - угорский институт прикладных исследований и разработок»,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
toricka@list.ru*

АННОТАЦИЯ:

Введение: предметом анализа в статье являются сравнения с ихтиологическим компонентом как средство создания образа в прозе Р. П. Ругина.

Цель: рассмотрение сравнений с ихтиологическим компонентом как средство создания образа в художественных текстах хантыйского писателя.

Материалы исследования: материалом для исследования послужили прозаические произведения хантыйского писателя Романа Прокопьевича Ругина. В работе использован комплекс современных подходов к литературоведческому анализу текста.

Результаты и научная новизна: новизна исследования определяется недостаточностью изученности поэтики художественных текстов Р. П. Ругина. В современном финно-угорском литературоведении единичны работы исследователей по данной теме. Р. П. Ругин, как уже сложилось в хантыйской литературе, создает образы с минимальными портретными чертами, но характерными деталями, выраженными через сравнения. Одним из распространенных компонентов сравнения становится ихтионим. Выявлено, что при создании образа писатель использует наиболее часто двух представителей ихтиофауны, а именно налима и осетра. Обращаясь к созданию сравнений с ихтиологическим компонентом писателю удалось передать не только внешнее сходство героев с представителями ихтиофауны, но и воплотить черты характера, жесты, манеру поведения, физическое состояние героев.

Ключевые слова: Р. П. Ругин, проза, сравнения, ихтиологический компонент, образ, хантыйская литература, финно-угорская литература.

Для цитирования: Сязи В. Л. Сравнения с ихтиологическим компонентом как средство создания образа в прозе Р. П. Ругина // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 2. С. 309–316.

The similes with the ichthyological component as a mean of creation of an image in the prose of R. P. Rugin

V. L. Syazi

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
toricka@list.ru*

ABSTRACT

Introduction: the subject of the analysis in the article is the comparison with the ichthyological component as a means of creating an image in prose of R. P. Rugin.

Objective: to consider comparisons with the ichthyological component as a means of creating an image in the literary texts of the Khanty writer.

Research materials: the material for the study was the prose works of the Khanty writer Roman Prokopenvich Rugin. The paper uses a set of modern approaches to literary analysis of the text.

Results and scientific novelty: the novelty of the research is determined by the lack of research into the poetics of R. P. Rugin's literary texts. In the modern Finno-Ugric literary studies the works of researchers on this topic are unique. R. P. Rugin, as has already developed in the Khanty literature, creates images with minimal portrait features, not characteristic details expressed through comparison. One of the common components of the comparison result ihtionism. It is revealed that when creating the image of the writer uses the most often two representatives of the ichthyofauna, namely burbot and sturgeon. Turning to the creation of comparisons with the ichthyological component, the writer managed to convey not only the external similarity of the characters with

the representatives of the ichthyofauna, but also to embody the traits, gestures, behavior, physical condition of the characters.

Key words: R. P. Rugin, prose, comparisons, ichthyological component, image, Khanty literature, Finno-Ugric literature.

For citation: Syazi V. L. The similes with the ichthyological component as a mean of creation of an image in the prose of R. P. Rugin // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric studies. 2018; 8(2): 309–316.

Введение

Имя Романа Прокопьевича Ругина (1939–2016) одно из значимых в истории хантыйской литературы. Его творчество известно не только в России, но и за рубежом. Войдя в национальную литературу ханты в 1963 году он до конца XX века определял путь её развития. Первенство Р. П. Ругину принадлежит в разработке поэтических жанров, не представленных ранее в литературе ханты: элегии, поэтические приметы, баллады и молитвы. Одновременно стоит отметить заслугу писателя в обращении к новому для хантыйской литературы прозаическому жанру – анималистической повести («Ланги»). Современному читателю хорошо знакомы его книги: сборники стихов «Снежные мелодии» (1976), «Звон летящего аркана» (1987), «Метель на ладони» (1986), «Мувем мойлапсаят» (1988), «Многодумная Обь» (1993), «Мелодии Полярного круга» (1996), «Снежная держава» (1998), сборник рассказов «Погоня» (1965), «Золотой огонек» (1973), книга повестей и рассказов «Солнце над снегами» (1986), «Ранний ледостав» (1988), «В ожидании сына» (1990), «Сорок Северных ветров» (1996), «Волшебная земля» (1997), «Легенды и мифы народа ханты» (2003), дополненное издание «Легенды и мифы народа ханты» опубликовано в 2008 году. Большое место в его творчестве занимает публицистика.

Р. П. Ругин начинал свой творческий путь на хантыйском языке, позже его произведения были переведены профессиональными переводчиками на русский язык. Творчество хантыйского прозаика известно за пределами России, большинство произведений писателя переведены на многие языки европейских стран.

Закономерно, что творчество Р. П. Ругина привлекает к себе внимание учёных. Разные аспекты творчества хантыйского писателя, как в целом, так и на примере отдельных произведений рассматривали С. Комаров [1], О. Лагунова [2], Е. В. Косинцева [3], К. Пьюигренье [14], Е. С. Роговер [3], Е. Н. Эртнер [12], Н. В. Цымбалистенко [11]. Все они отмечают этнопоэтику его творчества.

Писатель на страницах своих произведений знакомит читателя с мировоззрением малого этноса, культурными традициями, обрядовыми практиками, традиционным укладом жизни хантыйского народа. Язык произведений Р. П. Ругина колоритен и показателен. Яркие фразеологические обороты, метафоры, олицетворения, эпитеты, сравнения отражают своеобразие восприятия мира оленеводов и рыбаков, а также маркируют произведения писателя как одного из авторов северной литературы. Так, например, диалог героев рассказа «Сватовство»: «Сколько лисиц – востриц ваши языки на волю выпустили? Сколько резвых оленей заарканили? Мать отвечала загадкой: Одним язычком пламени котел супа не сварить. Нарта с одним полозом далеко не уедет» [4, 141] формирует идиостиль писателя. Писатель органично использует в своем творчестве фольклорные жанры – мифы, легенды, сказки, молитвы, пожелания, заклинания. Р. П. Ругин обращается к элементам традиционной культуры и транслирует их в художественных текстах: поверьях, запретах, приметах, обрядах и обычаях. Обращение к духовному наследию народа, языковой картине мира наделяет произведения Р. П. Ругина художественно-эстетической неординарностью. Одним из знаковых компонентов этнопоэтического стиля автора стали сравнения с ихтиологическим компонентом.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили произведения разных лет: «В ожидании сына», «На нерестовой реке», «Ранний ледостав», «Солнце над снегами», «Сорок Северных Ветров», «Три шкуры» Р. П. Ругина. В качестве методов использовался сравнительно-исторический, типологический, а также целостный и фрагментарный анализ текста. Избранная методология применима не только при изучении прозы Р. П. Ругина, но и других финно-угорских авторов.

Результаты

Сравнение – вид тропа: уподобление соотносимых явлений (предметов, состояний),

выраженное при помощи слов точно, будто, словно, как, что, как будто и др., при этом свойства или качества одного явления (предмета, состояния) переносятся на другое с целью его художественного описания [10].

С. Комаров и О. Лагунова в статье «Конфликт своего и чужого» отмечают особенности поэзии Р. П. Ругина: «<...>особенности мироощущения находят своё воплощение в сложнейшей системе сравнений и уподоблений одного другому, характерной для поэзии Романа Ругина. В ней кедр, “словно строй лесных богов”, листки брусники красны, “словно перья копылу”, камешки скрываются, как нырки, облака река покачивает на мелях, как профили гусей, а “миллионы шишек, как созвездия, грузно отражаются в реке”, заря, словно волк, “языком слизнула неостывший олений след”» [1, 270].

По Карин Пьюигренъ («Творчество Р. П. Ругина. “Волшебная земля”: Литература на службе пробуждения национального сознания ханты»), в изложении Н. В. Цымбалистенко, в творчестве писателя необходимо отметить следующие черты: «<...> У Р. Ругина нет излишне длинных описаний природы, подчеркивает французская исследовательница, но он умеет показать роль воды и реки Оби, тайги и тундры в бытии своего народа. Среди поэтических тропов отмечается значительное количество сравнений в прозе Ругина, с помощью которых писатель передает как физические состояния своих героев, так и состояние души» [11, 10].

Одним из любимых стиливых приемов северного писателя является использование сравнений с разными компонентами. В данной работе остановимся только на ихтиологическом компоненте. Рыба в жизни ханты, живущего у реки, занимает важное место. Не случайно одним из традиционных промыслов северного этноса является рыболовство. Рыба в рационе хантского народа – это основной вид пищи, как и оленина. Рыбное разнообразие зависит от локального проживания этноса. В своих произведениях писатель освещает жизнь хантов Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Нижний бассейн Оби во время создания произведений Р. П. Ругиным, а это 1970–1990 годы, был богат ценными породами рыб: нельмой, осетром, муксуном, щекуром, пыжьяном, сырком. Поэтому логично, что в речи человека были сравнения с ихтиологическим компонентом. Нашли свое отражение они

и на страницах художественных произведений писателя. В данной статье мы остановимся на ихтиологических сравнениях, реализованных в прозе Р. П. Ругина. В центре нашего внимания будут два основных наименования рыб – налим и осетр. Ихтиологические сравнения Ругина дают читателю подсказки для более глубокого понимания поведения персонажей, акцентируют внимание на мифологическом мировоззрении народа. Созданные сравнения подчеркивают характерные черты внешности, физические, интеллектуальные или нравственные качества персонажей, позволяют понять особенности их поведения или их эмоциональное состояние. Ихтиологические сравнения возникают в результате творческого осмысления мира, они формируются на основе традиционных представлений о рыбах.

Анализируя творчество Р. П. Ругина, выявили значительное количество сравнений с ихтиологическим компонентом. Наиболее часто фиксируются в творческом наследии писателя налим и осётр. Следующими по частоте упоминаются – нельма и муксун.

Каждый из представителей ихтиофауны Оби имеет сакральную основу, рожденную мифологическим мировоззрением народа, умело реализованную художником слова в своем творчестве. Характер и поведение представителей ихтиофауны отражены в мифах и легендах народа ханты. Формы регламентации поведения с представителями ихтиофауны также нашли отражение в произведениях писателя. Регламентированное отношение к налиму и осетру упомянуто Я. А. Яковлевым: «Лидером табуирования подводного царства был налим. Он считался порождением сразу двух миров – и Нижнего, и Верхнего. На этот счёт есть два мифа» [13, 347]. Один из мифов повествует о том, «<...> что налим был создан не демиургом *Торумом*, создавшим обитателей Среднего мира *Хынь ики*, напускавшим на людей хвори. Однако творец вовремя заметил “контрабанду”, плюнул на творение своего оппонента, и от этого божественного плевок у налима сформировалась деликатесная печень. Так эта рыба стала плодом “коллективного творчества” двух сил, двух полюсов Вселенной, что обеспечило ей сакральный статус и множество ограничений в обращении» [13, 349]. Вторая легенда имеет меньшее распространение среди этноса, но наделяет налима способностью летать. Согласно

легенде, записанной у северных хантов: «<...> в заповедные времена жил огромный зверь, который мог летать по воздуху и плавать в море. Однако он прогневил верховного бога тем, что съел “низовского самоеда” и русского “старца-попа”. И в наказание за то был превращен в налима. Свидетельством былого прегрешения стали косточки в голове этой рыбы, похожие на полозья нарт, топор, рукавицы и крест» [13, 347]. Из-за создания налима двумя Богами, по отношению к этой рыбе существовало множество ограничений в обращении. «Налима никогда не ставили в качестве угощения духам и не носили на кладбище в дни поминовения. Да и люди далеко не всегда употребляли налима в пищу. Например, об одной из групп, проживающих на р. Салым, есть такая информация: “Для чагровских хантов запретной рыбой является налим. Старики помнят, что если во время зимнего лова попадался налим, то его не приносили домой, а ставили вместо вёшек по дороге”» [13, 349]. На страницах произведений Р. П. Ругина в сравнениях с компонентом налимом видим негативную характеристику персонажа.

Сравнения героев с налимом помогают Р. П. Ругину создать бинарный образ. Отрицательные качества в героях заслуживают у писателя сравнения с налимом. В повести «На нерестовой реке»: «Пятидесятилетний толстяк Тикун, прозванный в посёлке “жирным налимом”, скуластый, с расширявшимся книзу кончиком носа – злые языки говорили, что он им, как ковшом, так и черпает воду, – в эту ночь долго не мог уснуть» [5, 230]. Обращение к образу налима помогает создать Р. П. Ругину образ маргинала. Герои этого типа забывают нормы морали традиционного хантыйского общества, собственные интересы для них на первом месте. Тикун ставил запоры на рыбу в запрещённых живунах, где рыба нерестилась и спасалась от кислородного голодания. Пойманную рыбу он обменивал на бензин и детали для мотора и бурана.

Вася Квашнев, герой повести «На нерестовой реке» ведет себя подобно изворотливому налиму в щекотливой для него ситуации. В разговоре главного героя Митри с Васей Квашневым слова о соляре, вылитой в сор, заставили занервничать виновника загрязнения реки. Мгновенные перемены в облике и поведении героя не остались незамеченными: «– Здесь,

сынок, нечистым пахнет. Ты заметил, как Вася-то вел себя – как налим изворачивался. Наглец, наглец!.. А руки-то как дрожали у него. И весь побледнел мигом. Неспроста, сынок, это, неспроста. Вот хом юх!» [5, 295]. Образ злого и алчного шамана Шарло в повести «Солнце над снегами» писатель создает эскизно, уделяя внимание взгляду, походке, движениям, мимике. Предательское поведение шамана писатель описывает при помощи ихтиологического сравнения, вложенного в уста пострадавшего от него Поруны: «Всех обманул – красных, меня. Люди погибли! Если бы ты слышал, как он языком своим поганым вилял – словно хвост налима в воде трепыхался» [4, 76].

Отрицательные качества героев, жажду наживы, алчность Р. П. Ругин дополняет внешним подобием героев налиму. В портрете героев – мужчин писатель обозначает наиболее яркие черты, схожие с обликом рыб: нос, форму головы. В повести «Три шкуры» в портрете главного героя Микипура также есть сходство с головой налима: «Сидел, глядя под ноги, потирая ладонью выступающий лоб, поглаживая широкий и плоский, схожий с головой налима нос» [5, 120]. Микипур пообещал начальнику достать в родном поселке три шкуры медведя. Герой рассчитывал взять или купить шкуры у отца, но тот, соблюдая обычай, наотрез отказался отдавать шкуры сыну. Давний друг отца Паял согласился отдать Микипуру шкуры с головой и пообещал выделывать шкуры. Отец Микипура – Семан – спас Паяла во время войны от верной смерти. Паял ценил дружбу с Семаном и решил помочь его сыну. Выделывая шкуры вместе с Паялом, Микипур не раз думал о своём языке: «...язык впереди на семь поворотов реки» [5, 110].

Р. П. Ругин обращается к образу налима не только при создании портрета героев при помощи обитателя северных вод автор характеризует отрицательные мысли героев. Герой повести «Сорок Северных ветров» Арсин, находившийся на острове Шиян один на один со стадом оленей, испытывая голод, переживает внутреннюю борьбу желания и совести. Совесть героя в итоге одержала победу над голодом, над плотью: «Прочь от меня, чёрные мысли, разум мой украсть хотели? Замутить, как налимы, своими скользкими хвостами чистую воду? Нет! Не будет этого! – Он встал со своего круглого чурбачка. – Я еще не потерял совесть. Голодный,

да, а на это все равно не пойду, о семь мудрецов старины! Оставлю тушку олененка хозяевам. Пусть смотрят на переломанную ногу, пусть сами видят, как дело было» [6, 309]. Героиня повести «Сорок Северных Ветров» Таясь в откровенном разговоре с мужем упоминает налима в речи для описания внутреннего конфликта: «Да ну что ты, в самом деле, Арсин, – смутилась она. – Нормальная я. Просто видишь, как все получилось... А теперь мысли в голове все перепутались, как сети, которые скользкий налим в тугой узел закрутил... – Она опять смахнула слезы. – Это какой-то нечистый меня малость ума лишил. Не бойся, Арсин, не буду больше так, не обижайся» [6, 303].

Совсем иной характеристикой наделён налим в поэтической молитве Р. П. Ругина. Здесь писатель именуется его «кормильцем».

– Поколдуй, дружище, для меня,
Пусть сюда плывет твоя родня.
Ты скажи: плыви сюда, плыви,
Тёща одноусая! Зови!
Брат муксун пускай плывет сюда,
Мне пора закинуть невода.
Мой кормилец, кликни мне отсюда
Тестя – нельму и в сети запутай,
Да четырёхусова, хитра,
Пригласи мне зятя – осетра! [7, 184].

В молитве писатель представил своеобразную иерархию родства рыб, отражающую картину мира этноса.

Менее табуированным Я. А. Яковлев называет осетра. Мифологическое мировоззрение лежит в основе табуированного отношения к данному представителю ихтиофауны. Заслуга осетра перед народом ханты неопределима: благодаря плотной шкуре «царь-рыбы» угорскому роду удалось спастись в трудные времена. В одном из сюжетов легенды о Казым-Най речь идёт о Великом Потопе. По совету Небесной Кошки люди построили плот и обтянули его шкурой осетра. Шершавые колючие шкуры осетров защитили людей на плоту от мышей, лягушек и ящериц. Согласно легенде «Осетр», присутствующей в творческом наследии писателя, осетровые шипы до определённого момента были настолько огромны и остры, что могли вмиг распилить бревно надвое. Могущество рыбы было настолько велико, что сам осетр был подобен большому острову, от его всплытия на поверхность поднимались огромные волны, смывающие лодки с берега.

Но хвастовство погубило могучего осетра и «он стал величиной с маленький обрубок бревна» [8, 52]. В сравнениях с осетром Р. П. Ругин создаёт образ праведника. Юного трудолюбивого героя повести «Ранний ледостав» Опуня, писатель сравнивает с грузным и медлительным осетром. Интересно то, что данное сравнение Р. П. Ругин вкладывает в уста самого Опуня: «Рядом с ней он даже дар речи теряет, и сам же корит себя за свою неловкость: «Вот глупый осётр! В сети запутался!» [6, 334]. Юноша ругает себя за неспособность признаться любимой девушке в своих чувствах. В этой же повести читаем: «Отбежав, словно загнанный лось, к ближайшему кедрачу, он остановился там, не зная, что делать дальше. Мысли металась в разгоряченном мозгу подобно осетру, угодившему в гимку» [6, 411]. Опунь признался отцу любимой девушки в своих чувствах, смятение чувств юноши писатель вновь передал образ осетра.

В повести «Сорок Северных Ветров» тяжёлые мысли Арсина о судьбе отельных важенков, пасущихся на крохотном острове Шиян во время приближающего ледохода, подобны неспешному крупному осетру: «Арсин чуть не вскочил с нарочки, готовый бежать, что-то делать, но тут толкнулась его в голову, подобно могучему корявому осетру, внезапно всплывшему из воды новая мысль: “Погоди-ка, погоди, семь мудрецов старины, – вспомнил он, лихорадочно размышляя о том, что сейчас делать, своё любимое выражение. – Ну, хорошо. Задержу я стадо, здесь, на островке. Ну, и что дальше? Островок-то крохотный, корму на нём – ну, ягеля там, прошлогодней травы – совсем мало. Правда, есть еще кора тала. Но, опять же, все это дня на три-четыре. А дальше что? Пусть голодной смертью помирают? Как раз за эти три-четыре дня вода и поднимется – вон уже как прибыло... – Арсин опять скинул шапку, растерянно почесал полысевшую седую голову. – Кой, кой! Через три-четыре дня забереги ох как свои щеки надуют! Вряд ли важенки с телятами пойдут в такую ледяную воду...”» [6, 207]. Посредством обращения к сравнениям героев с осетром Р. П. Ругин создаёт образ честного, совестливого человека.

Сонное состояние героя повести «В ожидании сына» Якура писатель сравнивает с тягучестью осетрового клея: «Сердце колотилось, словно кто-то посторонний уличил его в под-

глядывании, глаза слипались, будто затягивало их тягучим осетровым клеем, и его потянуло немедленно убраться восвояси». [5, 61]. Не случайно Р. П. Ругин использует уникальное сравнение, Я. А. Яковлев даёт ёмкое определение данному явлению: «...помимо жира, из внутренностей осетра вытапливался отличный клей, без которого немислимо кустарное производство хантов и манси от изготовления сложного лука и починки лыж до укрепления тетивы и струн. Угры умели готовить клей и из других рыб – чешуи зимней щуки или язя, высушенных глаз карасей и чебаков, кожи окуня. <...> Но качество осетрового клея было наипервейшим» [13, 111]. Упоминание об осетровом клее встречается в стихотворении «Выделка медвежьей шкуры»: «Шкура крепкая тверда, / Мы ее не без труда / Перегнуть сумеем. / Жилы прочные видны, / Будто к ней прикреплены / Осетровым клеем» [9, 50]. Прекрасные качества осетрового клея, такие как стойкость и крепость, Р. П. Ругин подтверждает уникальным сравнением осетрового клея и сплетен: «Думал он о Таясь, о своей любимой – и так ей жизнь не в радость, а если еще пойдут о ней сплетни... Ух эти сплетни! Намертво прилипают они к человеку, подобно осетровому клею, марают его, уродуют жизнь, другой раз даже и убивают...» [6, 247].

Женский внешний облик Р. П. Ругин эскизно очерчивает, обратившись к сравнению с нельмой. Нельма символизирует красоту и грацию героини, в повести «Сорок Северных Ветров» читаем: «Больше всего ему нравились её глаза, впитавшие, казалось, в себя всю синеву того неба, каким оно бывает в редкие здесь погожие летние дни. Стройна была Таясь, гибка, как обская нельма, а голос ее переливался колокольчиками звенящего ручья» [6, 217]. Аналогичное сравнение создает писатель, обращаясь к юной героине повести «Ранний ледостав»: «Черноглазая одноклассница Тутья... Опунь знает её с самого детства. Они и в Шурышкарах вместе в интернате жили, и здесь, в поселке, в одном классе учатся. Тутья чуть старше Опуня, ей уже семнадцать. И до чего ж она хороша... Самая красивая девушка во всей округе... Встанет из-за парты – словно вспорхнет легкокрылая бабочка, в глаза тебе заглянет – теплым летним солнцем озарит. Стройной красавицей нельмой, только что выпрыгнувшей из воды, кажется Опуню Тутья» [6, 334].

Сравнения с компонентом муксун хантыйский прозаик использует в портрете героя. Так, нос героя повести «На нерестовой реке» писатель сравнивает с внешним видом муксуна: «Старый Митри, одетый в малицу, всю запорошенную снегом, подойдя к нему и бросив оценивающий взгляд на мешки, несколько раз провел меховыми рукавицами из оленьих лап по высокому, словно жирная спинка муксуна, носу и недовольно заворчал басом <...>» [5, 231]. Резкие движения главы семейства пожилого Пораки, героя повести «В ожидании сына» Р. П. Ругин сравнивает с муксуном: «Порака словно подслушал её мысли и, как нельзя кстати, ввалился в дом, точно тяжелый муксун, выскользнувший из рук и шлепнувшийся на пол» [5, 49].

Присутствуют в творчестве писателя ихтиологические сравнения, характеризующие состояние здоровья героев, манеру поведения. Состояние здоровья героини повести «В ожидании сына» писатель передает при помощи сравнения с хищным обитателем реки – щукой: «Простуда, которая редко приставал к ней, она переносила на ногах, а другие серьезные недомогания, словно боясь ее, близко не подходили, или, может быть, могучий ее организм, подобно пасти хищной щуки, глотающей мальков, еще в зародыше гасил их» [5, 39].

Физическое состояние героя повести «Три шкуры» Паяла писатель характеризует при помощи сравнения с обобщенным компонентом рыба. «Семан рассказывал, что, когда подполз к нему, увидел: в лице – ни кровинки. Лежит, как рыба на берегу. Хвостом уже бить перестала, тело еще не заоченела. Чувствуется, жизнь еще есть в теле, но иссякает уже» [5, 129]. Паяла контузило во время Великой Отечественной войны, Семан спас друга от верной смерти.

Эмоции человека писатель создает при помощи обобщенного ихтиологического сравнения: «Не води меня за нос, не води. Не пересаживай с одного холма на другой. По глазам все вижу, Тикун. В глазах твоих страх мелкой рыбешкой так и плавает. Только хвостики мелькают» [5, 231].

Для характеристики поведения Ансема в повести «Ранний ледостав» писатель использует сравнение с компонентом часть рыбы, в данном случае речь идет о внутреннем нежном органе рыбы – печени: «Дурак я, дурак! Таким

случаем не воспользовался! Старик ведь растаял, стал мягким, как нежная рыба печень. Все сейчас готов для меня сделать! Спросить бы хоть об одном: думает он Тутью замуж отдавать или нет? А если задумал, то за кого? За кого именно?» [5, 397]. Бригадир юных рыбаков Ансем пополз по тонкому льду на озере в надежде вытащить руками из лунки муксуна или нельму. В результате неосторожного движения багром мужчина провалился под лёд. Опунь, влюблённый в дочь бригадира, вытащил Ансема из полыньи, довёл до становища.

Обсуждение и заключения

Осмысленная сравнения с ихтиологическим компонентом как средство создания образа в творческом наследии хантыйского писателя Р. П. Ругина приводит к выводу, что писатель обращается к созданию данных сравнений не случайно. Их воплощение на страницах произведений писателя, в первую очередь обусловлено мифологическим мировоззрением, которое рождает и регламентированное отношение к представителям ихтиофауны.

Нами были выявлены наиболее излюбленные Р. П. Ругиным представители ихтиофауны, встречающиеся при создании художественных образов: налим, осетр, нельма, муксун, щука, рыба.

При создании образа, писатель следует традиции сложившейся в хантыйской литературе, не детализирует портрет героя, а уделяет внимание отдельным ярким чертам внешности, характера, манере поведения. Сравнения с компонентом налим служат для выражения отрицательных черт характера, Сравнения с компонентом осетр, наоборот, характеризуют положительного героя, чаще всего праведника. Сравнения с компонентом нельма используется при создании женских образов. При помощи сравнений с компонентом щука писатель отражает физическое здоровье персонажа. Сравнения с компонентом «часть рыбы» характеризуют поведение героя.

Сформированные писателем сравнения с ихтиологическим компонентом свидетельствуют о богатстве стиливых средств языка его художественных произведений.

Список источников и литературы

1. Комаров С. А., Лагунова О. К. Конфликт чужого и своего: К характеристике литературного мышления народов Севера (экологическая проблематика, жанровые ориентиры) // Хантыйская литература: сборник. М.: Лит. Россия, 2002. С. 269–276.
2. Косинцева Е. В. Образ Праведника в прозе Р.П. Ругина // Вестник угроведения. 2012. №2 (9). С. 42–49.
3. Роговер Е. С. Рачинская М. А. Хантыйская литература: 5-9 класс: Хрестоматия для общеобразовательных учреждений. СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2009. 320 с.
4. Ругин Р. П. Солнце над снегами: Повести, рассказы. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986. 208 с.
5. Ругин Р. П. В ожидании сына: Повести. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990. 304 с.
6. Ругин Р. П. Избранное: Повести. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2001. 560 с.
7. Ругин Р. П. Избранные стихи. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2004. 320 с.
8. Ругин Р. П. Легенды и мифы народа ханты. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2003. 336 с.
9. Ругин Р. П. Метель на ладони: Стихотворения. М.: Современник, 1986. 92 с.
10. Словарь литературоведческих терминов. URL: <https://www.litprichal.ru/slovari/litved/sravnenie.php> (дата обращения 04.06.2018).
11. Цымбалистенко Н. Север учил, ничего не тая... (творчество Романа Прокопьевича ругина). Салехард: ГУП ЯНАО «Издательство «Красный Север», 2008. 56 с.
12. Эртнер Е. Н. Метафорическая интенция в прозе Р. П. Ругина // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 1. Филология. С. 131–137.
13. Яковлев Я. А. На столе и вокруг него. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 368 с.
14. Piugrenier C. L'oeuvre de Roman Rugin: La terre enchanée: La littérature au service du réveil de la conscience nationale khanty. Traduction commentée. I.N.ALCO 2000-2001. 11.

References

1. Komarov S. A., Lagunova O. K. *Konflikt chuzhogo i svoego: K harakteristike literaturnogo myshleniya narodov Severa (ehkologicheskaya problematika, zhanrovye orientiry)* [the Conflict of the foreign and your:

description of the literary thinking of the peoples of the North (environmental issues, genre reference points)] // [the Khanty literature: a collection / ed. V. Ogryzko]. M.: Lit. Russia, 2002. pp. 269-276. (In Russian)

2. Kosinceva E.V. *Obraz Pravednika v proze R.P. Rugina* [The way of the Righteous in prose of R.P. Rugin] // [Bulletin of Ugric studies] 2012. №2 (9). pp. 42-49. (In Russian)

3. Rogover E. S. Rachinskaya M. A. *Hantyjskaya literatura: 5-9 klass.: Hrestomatiya dlya obshcheobrazovatel'nyh uchrezhdenij* [Khanty literature: 5-9 class.: A reader for educational institutions]. SPb.: branch of publ. "Enlightenment", 2009. 320 p. (In Russian)

4. Rugin R. P. *Solnce nad snegami: Povesti, rasskazy* [Sun over the snow: a Novella, short stories]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. Publ., 1986. 208 p. (In Russian)

5. Rugin R. P. *V ozhidanii syna: Povesti* [In anticipation of the son: Stories]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. Publ., 1990. 304 p. (In Russian)

6. Rugin R. P. *Izbrannoe: Povesti* [Elected: Lead]. Yekaterinburg: Sred.-Ural. Publ., 2001. 560 p. (In Russian)

7. Rugin R. P. *Izbrannye stihi* [Selected poems]. Yekaterinburg: Sred.-Ural. Publ., 2004. 320 p. (In Russian)

8. Rugin R. P. *Legendy i mify naroda hanty* [Legends and myths of the Khanty people] Yekaterinburg: Wednesday.-Ural. Publ., 2001. 336 p. (In Russian)

9. Rugin R. P. *Metel na ladoni: Stihotvoreniya* [Blizzard in the palm of your hand: Poems] Moscow: Contemporary, 1986. 92 p. (In Russian)

10. Slovar' literaturovedcheskih terminov [Dictionary of literary terms] (In Russian). Available at: <https://www.litprichal.ru/slovari/litved/sravnenie.php> (accessed 04.06.2018).

11. Cymbalistenko N. Sever uchil, nichego ne taya... (tvorchestvo Romana Prokop'evicha Rugina) [North taught, nothing is melting... (creative writing of Roman Prokopovich Regin)]. – Salekhard: GUP YANAO "Red North" publ., 2008. 56 p. (In Russian)

12. Ertner E.N. *Metaforicheskaya intenciya v proze R.P. Rugina* [A metaphorical intention in prose Rugina R. P.] // [Bulletin of Tyumen state University]. 2014. No. 1. Philology. pp. 131-137. (In Russian)

13. Yakovlev Ya.A. *Na stole i vokrug nego* [On the table and around it]. Tomsk: Publ. Tom. UN-TA, 2011. 368 p. (In Russian)

14. Piugrenier C. L'oeuvre de Roman Rugin: La terre enchanée: La littérature au service du réveil de la conscience nationale khanty. Traduction commentée. I.N.ALCO 2000-2001. 11. (In French)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Сязи Виктория Львовна, ведущий научный сотрудник, БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок» (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14А), кандидат филологических наук.

toricka@list.ru

ORCID: 0000-0003-1103-0435

ABOUT THE AUTHOR:

Syazi Victoria Lvovna, Leading Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14 A), Candidate of Philological Sciences.

toricka@list.ru

ORCID: 0000-0003-1103-0435